

Николай Семёнович Лесков

Русское тайнобрачие

Николай Семёнович Лесков

Русское тайнобрачие

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4721160*

Аннотация

«...Тайнобрачие в России несомненно существует, и притом в довольно значительных размерах. Едва ли в каком-либо общественном кружке не известно хотя одно супружество, сочетание которого не вполне законно или даже совсем противозаконно. А между тем все эти браки кем-то повенчаны и где-то записаны и терпятя «ради слабости человеческой» и ради страха суровой строгости неподатливого закона. Наше положение таково, что мы как бы не можем обходиться, не обходя закона...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Николай Семенович Лесков

Русское тайнобрачие

Глава первая

Тайнобрачие в России несомненно существует, и притом в довольно значительных размерах. Едва ли в каком-либо общественном кружке не известно хотя одно супружество, сочетание которого не вполне законно или даже совсем противозаконно. А между тем все эти браки кем-то повенчаны и где-то записаны и терпятя «ради слабости человеческой» и ради страха суровой строгости неподатливого закона. Наше положение таково, что мы как бы не можем обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у нас так и велика народная терпимость. Но тем не менее наше тайнобрачие не представляет собою чего-нибудь совершенно бесшабашного и безнравственного. Напротив, в нем заметно даже уважение русского человека к границам свободы в пределах нравственности и эстетики. Это всего удобнее можно наблюдать в интересной практике, которую выработало русское тайнобрачие, до сих пор удивительным образом пренебрегаемое исследователями нашего народного духа в самых глубоких и смелых его проявлениях. Между тем такое явление, как тайнобрачие, более, чем многое иное, открывает в нашем наро-

де изобилие здоровых элементов, ручающихся за его способность к широкому и свободному развитию жизни в несколько иных формах.

За «обилием материалов», упорно скопляющихся в наших повременных изданиях, исследованиям такого рода нет еще места, и потому приходится касаться их только слегка и издали, и притом по какому попало случаю и в какой попало форме.

Я расскажу, что мне известно об этом интересном предмете, именно по поводу свадьбы дяди Никса, которая, в связи с другим случаем тайнобрачия в нашем литературном кружке, дала мне возможность ознакомиться с удивительным механизмом этого своеобразного тайностроительства в русской церкви.

Несколько лет тому назад мне довелось быть в одном гостеприимном доме, где собралось много разного звания людей.

Это относилось уже к последнему времени, которое некто удачно называет временем «реставрации упадка нравов». Охота ко всякого рода трактаментам и прениям тогда уже прошла, и так называемые образованные люди не находили более удовольствия в обмене мыслей. Мысли были изгнаны из обращения, и все, от приткого поручика до авантажного тайного советника, обратились к универсальному русскому средству «убивать время» – *сели за карты*. Литераторы и ученые не отставали от явных поручиков и тайных советни-

ков: и они садились за ломберные столы без всякого зазрения совести и резались с теми самыми чиновниками, на которых недавно еще изливали жгучий яд своих обличительных сарказмов.

Об эту пору литературный старовер, не приручивший себя к картам, уже составлял для хозяев известное бремя. Он это чувствовал и, сознавая свою отсталость от современного общественного прогресса, прятался куда-нибудь «к чудакам». Если же случай застигал его врасплох среди «новейших» людей, он спешил сокращаться и исчезать, не нарушая господствующего строя занятий.

В таком положении очутился и я на том вечере, с которого начинаю мое повествование.

Драгоценными сведениями в области этих не имеющих письменной истории событий я обязан духовнику моего гостеприимного хозяина, столичному протоиерею, внушительную фигуру которого описать дано не моему перу.

Он появился на пиршестве как раз в то время, когда я собирался оттуда удалиться восвояси, и был виновником, что мне это не удалось, – о чем я, однако, не жалею. Так как все столики уже были заняты и для преподобного отца не находилось пристойной партии, то хозяева были в затруднении, к чему им пристроить своего почтенного духовника, и решили принести ему в жертву мое бесприкаянное недостоинство.

С этой целью меня немилосердно придержали и представили протоиерею с рекламирующею аттестациею, как автора

«дьякона Ахилки».

Но преподобный отец сначала был неутешен: подав мне руку, он поправил у себя на груди важные кавалерии и обратился к хозяевам с словами горького упрека:

– Ахилку мы читали, и кто одного автор – знаем, а чтобы своего духовного и венчального отца в святой день без пульки оставить, так это можно сделать только совсем забывши закон и религию.

Но, однако, потом дело обошлось, и притом к неописанному моему удовольствию, потому что я встретил в отце протоиерее человека чрезвычайно приятного: умного, доброго и большого практика.

Как только хозяева устроили его за одним столом «в мѳтью», он перестал негодовать и, усевшись в мягком кресле, позволил мне заговорить с ним об одном, некогда сильно меня интересовавшем, церковном деле.

Поводом к развившейся у нас интересной беседе послужило одно чрезвычайно казусное событие, о котором в свое время много говорили в русской печати, но никогда не коснулись того, что в этом было самого возмутительного и самого интересного и прямо било в глаза.

Один довольно известный в свое время литератор принимал к себе в дом тоже довольно известного педагога. Они были друзья, но потом поссорились, и педагог поступил непедагогично: он сделал на своего гостеприимного товарища донос с целью доказать, что особа, почитаемая за жену этого

писателя, совсем ему не жена, и дети их не могут считаться детьми признающего их отца.

Ежедневные газеты занимались этим делом с одной общедоступной стороны – именно, со стороны «скандала в благородном семействе», и притом в таком семействе, глава которого принадлежал не к фаворитному из тогдашних направлений. Более достойного внимания в этом деле печать ничего не усмотрела, до я позволю себе теперь, в запоздалый след, указать то, что тут составляло самый важный интерес и было пропущено.

Супружество, о котором сделал донос педагог, действительно было не из законных, но оно, во всяком деле, было супружество венчанное, или, как говорят иные, «в церкви петое». А между тем когда, вследствие доноса, представилась надобность доказать венчание, то об этом нигде не оказалось никаких записей и никакого следа.

Стояла на земле церковь, в которой все сие «пета бяху», жил и наслаждался полным благоденствием батюшка, который призывал на брачившихся божие благословение, даже и дьячок играл на гитаре точно в тот день, когда новобрачный записывал у него в церковной квартире свой «обыск», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячок этих супругов никогда не венчали и, что всего важнее, в обыскной книге действительно *ничего не записано*.

Приняты были самые энергические и настойчивые попыт-

ки разоблачить эту таинственнейшую проделку и доказать факт венчания, но все оказалось безуспешно. Между тем брак действительно был венчан, – в этом со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарелая мать одного из них, *лично сидевшая* во время совершения брачного обряда в церкви. Но куда же это исчезло из обыскных книг церкви и где брачное свидетельство, которое должно быть у каждой обвенчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена в этом случае ссылалась на мужа, а муж на свою оплошность.

Все это было как-то темно и маловероятно.

В родстве у супругов оказался очень проницательный и ловкий адвокат московской заправки, которого так и звали «московский пекарь». Пекаря выписали и пустили в ход, но он месил, месил в этой деже и ничего не вымесил... Концы были так похоронены, что ни одного из них нельзя было отыскать.

Долго адвокат рылся в архивах, много рыскал по разным местам, отыскивая свидетелей, которые подписывали поручительные записи в обыскной книге, но ни одного из них нигде не отыскал. Обращались, помнится, к содействию особых властей, но и те ничего не помогли, что, впрочем, было и неудивительно, потому что ни муж, ни жена не знали свидетелей, подписавших их обыскную книгу. Супруги уверяли

только, что свидетели были и подписывались, но что они были поставлены самим батюшкою, который взялся за их дело *аккордом*, то есть что и свидетели и певцы – все будет *от него*.

– Мы, – говорили супруги, – считали это за самое удобное, а оно вышло вот как... неудобно.

Добиться подтверждения от батюшки – нечего было и думать: он раз навсегда наотрез отрезал, что он «лично таких супругов не помнит», а потом особым властям довел, что он и не может помнить всех, кого он венчал, тем более что, по словам самих этих людей, – если они не лгут, – их венчание происходило десять лет назад, а в десять лет воды утечет много.

– Если я их венчал, – отвечал батюшка, – то брак их должен быть записан в обыскную книгу, и у них должно быть свидетельство. Это порядок всем известный, даже не исключая и таких безбожников, как писатели. А если в обыскных книгах записей нет и свидетельства нет, так, значит, венчал их не поп вокруг аналоя, а заяц вокруг ракитового куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идут справки брать. А я, – говорит, – если мне с этим докучать еще будут, за шиворот их да к прокурору стащу за оклеветание.

Ясно было, что батюшка крепко кован и ничего не боится. Но что выходило всего хуже, так это то, что ветхая старушка, мать одного из супругов, во всей этой сумятице со-

всем сбилась с толку и стала говорить самый бессвязный вздор. Московский софист до того изнурил ее, заставляя подробно припоминать все детали события, что она совсем все позабыла.

Старушка уверяла, будто хорошо помнит, что, едучи в церковь, она чуть не выпала из саней и так прозябла, что сидела в церкви не снимая шубы, тогда как, по показанию супругов, выходило, что брак их происходил в июне. Потом супруги говорили, что они перевенчались за несколько дней до рождения их старшего сына, который появился на свет 2-го июля, а матушка их помнила, что она тогда будто очень спешила к внучку.

Словом, выходила путаница, которая только прибавляла досаду к досаде.

Старушка, которую всем этим мучили, думала, думала, как ей согласить свою шубу и сани с июльской жарой и ее поспешливость к внуку прежде его рождения, и, наконец, объявила, что ей забило памороки.

– Теперь, – божилась она, – хоть к присяге идти – ничего не понимаю, что в самом деле было и что мне только кажется. Может быть, – говорит, – я в санях-то точно ехала, а про свадьбу вашу мне только так кажется. А может быть, я никуда и не ездила. Где это помнить!

Твердыми в своем оставались одни супруги, которых все их знающие считали за людей очень правдивых и честных. Но их показание в своем собственном деле не представля-

ло никакого юридического доказательства, да притом и оно, ввиду всех других несообразностей, начало казаться странным. Даже московский адвокат, по близкому родству с супругами, первый готов был заподозрить основательность их свидетельства, а его примеру последовали другие. И пока газеты потешались насчет злополучных супругов с бестактною злобою, которой те нимало не заслуживали, судьба супругов и их детей была решена: дело было проиграно не только в надлежащих инстанциях, но и в общественном мнении людей, имеющих несчастье подчиняться давлению всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супругов после всей этой передраги от них не отшатнулись, а, напротив, даже еще более о них соболезновали; но что касается недоказанного венчания, то ему уже положительно более не верили и даже ставили в упрек: зачем они так упорно стоят на своей неискусной выдумке?

Но могли ли так нагло и так упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я их считал и имею все основания таковыми же считать их и поныне.

Это меня не переставало занимать и дало мне повод вызвать скучающего отца протоиерея на разъяснение: может ли случиться, чтобы брак, обвенчанный в церкви и записанный в книги, исчез бесследно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка все это мне и разъяснил, и притом так обстоятельно, как может разъяснить человек, стоящий на высоте

своего пастырского призвания и имеющий ум тонкий и про-
ницательный, а знание сердца человеческого самосовершен-
нейшее.

Глава вторая

На мой вопрос: возможно ли, чтобы бесследно исчез брак, «петый в церкви», мой собеседник отвечал:

– Возможно.

Я рассказал ему вкратце историю непостижимого венчания литератора Z. <Е. Ф. Зарина>, который никак не мог доказать, что он был обвенчан.

– Слышал, – проговорил отец протопоп, – хотя и не помню, где.

– Не в газетах ли читали?

– Вот именно дети в газетах где-то читали и мне рассказывали.

– Мне кажется – это удивительное и непонятное дело.

– Удивительного мало, а непонятного еще менее.

– Однако что же вы подумали: как это могло сделаться?

– Я подумал только: должно быть, их отец N. венчал.

Это действительно было так, как отгадывал мой собеседник, и потому я позволил себе предложить ему особый вопрос об отце N., венчания которого отличаются такую характеристическою непрочностью.

– Почему вы узнали, что это венчание трудов отца N?

– Вот странный вопрос: а по чему вы узнаете работу одного мастера от работы другого?

– По красоте исполнения, по прочности, иногда по фасо-

ну. Но ведь это совсем иное.

– То же самое. Отец N. это тоже своих дел портной без узелка...

– Извините, – говорю, – я этого не понимаю.

– Чего же вы не понимаете? Что значит «портной без узелка»? Значит, что у него нитка в шве не остается, а все насквозь проходит.

– И значит – шва совсем нет?

– Нет или есть – это уже как хотите, но только его шов не держится.

– Но какая же ему выгода так шить?

– Его выгода.

– Он рискует, с этакою манерою шва, остаться со временем без работы?

– Очень может быть, только это будет еще не скоро – не ранее как иже по просвещении.

– То есть когда это «по просвещении»?

– А когда в обществе распространятся настоящие понятия *о тайне брачия* и люди не будут вертеть этого дела как попало и с кем попало, лишь бы скорее да подешевле.

– Да неужто вы полагаете, что тут дело в цене?

– А разумеется; по плате и шитво: дешевая цена – такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложение по запросу: теперь человек и любит как-нибудь и венчается как-нибудь; берет для этого попишку какого-нибудь, а тот его свяжет тоже как-нибудь. А там, глядишь, оно и

развязалось.

– Вы, – замечаю, – батюшка, кажется, расположены в пользу старины.

– Нет-с, не особенно, а впрочем – как в чем и насчет чего. Если насчет того, будто бы древле было все лучше и дешевле, так я не старовер. А что насчет любви и склонности, а также серьезности брачных отношений, так тут я действительно люблю старинных людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаем, не знали, а уж что касается любить, то это они посерьезнее нас умели.

– Так ли? – говорю.

– Да уж так-с. Вы ведь – я знаю – сейчас готовы небось заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари? – Это чушь. Нет, а вы в глубь веков погрузитесь, отколе ключ жизни идет: там настоящую прелесть любви и найдете.

– Где же это?

– В библии. Страстная книга: оттого ею многие иноки соблазняются. У меня ее раз инспектор из рук вырвал: «начитаешься, говорит, жениться захочешь». А он хлопотал, чтобы я в монахи пошел. Вот там любовь так любовь. Дочери-то человеческие какво описаны: голенькие, без всяких нарядов, исполинов пленяли.

– Это, – говорю, – все доисторическое.

– А в историческом-то еще лучше: начнем хоть с отца нашего Иакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина был по сердечной части! Вот настоящий месопотамский ры-

царь – влюбился в Рахиль и шесть лет за нее, сердега, прослужил ее отцу – да ведь как отслужил: не в прохладном магазине за прилавком, а на поле под палящим солнцем. И что же? Его надули, и надули самым подлым образом: ему дурнолиценькую Лию подложили, а он впопыхах не разобрал. Винить нельзя: разговоров, верно, не было, а впотьмах все кошки серые. Но ведь он не унялся: не потянул тестя в суд, а еще на шесть лет себя забатрачил, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добыл. Так вот это человек – во всем значении слова, значит, *любил*. И женщине-то, как ей этакого чудесного мужчину не полюбить, потому что хоть он загорелый пастух, а меж тем кавалер во весь рост и во всю силу. Ну а нынче что же?.. Все проходимцы – все приданого ищут, либо завертят девчонку и уговорят, будто ей стыдно, если муж на нее работать станет. «Сама, говорят, матушка, рук не покладай – работай». Это женское равноправие, видите, называется; хитрость все, чтобы самому легче было. Снизойдет к ней когда-нибудь вечерком, как Юпитер, на ложе, и то если деться некуда, – осчастливит ее, когда той, бедняге, уже с усталости и не до утех любовных вовсе, а потом, наутро, встряхнулся, да и пошел опять свои рацеи разводить. А она опять работай, да еще, глядишь, с шарманочкой. Вот ей и равноправие. А другой, если увозит девушку, будто ее крадет, одним словом – «тайно венчается», а сам черт его не разберет, что такое он этим устраивает; даже, право, не разберешь, для чего это они делают: по любви, или по глупости,

или еще того хуже – по подлости тайнобрачие ломают.

– Но по какой же подлости-то может быть нужно ломать тайнобрачие?

– По какой подлости?... Эх, государь мой, еще какие, когда б вы знали, нынче являются на этот фасон выжиги и какие отхватывают коленца, так иной раз просто либо только диву дашься и расхохочешься или прямо вон от себя подлеца выгонишь.

– Скажите хоть один пример.

– А вот, например: подлю или не подлю сбить с толку дурочку, которую родные берегут и не дают обобрать? Ко мне явился раз с такою просьбою опекун, и в большом чине... ух, выжига!

– Вы их обвенчали?

– Нет, я-то не обвенчал. Я ему сказал: «Вы вельможа большая, да я не плут большой», а отец N. и их обвенчал.

– Он, по-видимому, отчаянный.

– Нет, куда там отчаянный! самый презренный трусишка, только ловок на выдумку.

– Но, однако, как же он: неужели всех, кого попало, венчает?

– Решительно кого попало, на это у него жадность, по привычке от отца, потому что его покойник отчаянный мастер на эти дела был; только я их не сравню: тот был благороден – дорого брал, но и знал, с кем поделиться. А этот как гиена: все ничком, сам с собою – один только всё новые штуки

подлые выдумывает.

– Значит, и тут, в тайнобрачии, замечается понижение тона и измельчание типа?..

– Да ведь как же иначе. Все «идет со временем», – как говорит блаженный Августин, – «все, освещаемое солнцем, разделяет его подвижность, все изнемогает под тяжестью веков». А уж нашего брата, попа, тяжести веков-то давили, давили, да еще и сейчас не дают ослабы. К тайнобрачию-то наши духовные знаете ли как приучались.

– Как?

– Сначала по-девичьи, со стыдом и с мукою великою, – все равно как первую песенку зардевшись спеть, а потом из сострадания это делали, потому что наш закон очень лют, а ныне и они уж так, под кадриль всему всероссийскому плутовству, до бесстыдства дошли.

– Но это может служить не во вред людям.

– Совершенно верно, и потому-то надо бы только, чтобы люди, которым в этом нужда, знали практику и не попадались вот таким...

– Портным, которые без узлов шьют?

– Именно-с. Наше общество ведь еще очень глупо. Сведали, что попы нынче тайно венчают без затруднения, и думают, что это всеми все равно одинаково делается. А это совсем не все равно: поп попу рознь. Иной прямо откажет, другой возьмется, но с осторожкою, и хорошо сделает, а третий так слукавит, что ничего не стоит, даром что венчаны.

– Интересная, – говорю, – история.

– Да, небезынтересная, и очень небезынтересная-с. И издавна она. В старину, например, тайнобрачие часто по страху делалось. Мне мой дед рассказывал, как он в царствование Екатерины одного помещика с насильно увезенной боярышней венчал. Взяли дедушку обманом, из дому вызвали, да первое дело, благослови господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели в церковь. Дедушка думал, разбойники, – грабить храм хотят, и ключи им выставляет: «Берите, дескать, все, что хотите – последнюю ризу с царицы небесной снимайте, только мою грешную душу пощадите». Но видит: помещик и его люди стоят в церкви и пучки розог держат. «Венчай, говорят, сию минуту, а то запорем или на колокольне повесим».

Дедушка был уже очень старый старичок и до беспамятства перепугался, но одно только вспомнил – про архиерея.

«Смилуйтесь, – говорит, – наш архиерей змей этакий безжалостный, он узнает, тогда меня расстрижет, и моя старуха попадья без хлеба околеет».

А помещик отвечает:

«Не блекочи, старый баран, о пустяках: кому он архиерей, а кому все равно что ничего. Сейчас надевай ризу да пой покороче, за нами погоня скачет. Успеешь обвенчать – я тебе за это выгон целины дам и до смерти вашей с попадьей месячину давать буду, а не сделаешь по-моему, сейчас повешу».

Дедушка поклонился и стал облачаться, только просил,

чтобы с него петли уже и не снимали, на тот конец, чтобы все-таки оправдание было.

– Так он и венчал их в петле?

– Так и венчал: впереди вокруг налою гайдук идет и деда ведет на обрывке, а он молодых ведет за руки.

– Что же – значит, дед ваш сделал дело невеликодушное.

– Чем-с?

– Способствовал насилию: вы же сами говорите, что невеста была взята насильно.

– Да разумеется, только ведь это дело-то, государь мой, все под петлей шло. Ишь вы, захотели еще при наших порядках геройства! Героев, сударь, вообще на свет родится не много, да много-то их и не нужно, а особенно на Руси их не требуется. У нас ведь их не жалуют. И знаете, через что?.. Хлопотно с ними. Право. Вот посмотри, например, на нас теперь откуда-нибудь честные люди – могут сказать, зачем это здесь всё в карты играют, а не занимаются чем-нибудь серьезным; а займись-ка серьезностью – скажут: что это они засерьезничали: о чем закручинились? Послать-ка к ним того, другого да третьего, разогнать им кручину... Ну их совсем, лучше шлепай картой да шлепай – покойнее. Или все говорят: мало правды на свете. И оно точно: ее мало. А начни-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, так он и слушать не станет, да еще «беспокойным» прозовет. От того и нет правды... А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы, но, поверьте, они по нашему времени такие

и надобны. И это не от крови, а от тьмы века сего – от духов злобы поднебесной. Были бы у нас и не такие попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вот из этой же самой семейной моей, так сказать, хроники, имею тому доказательство, что попики с огоньком у нас бывали и есть, но только они нам не годятся, и ждет их конец часто бедственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.